

Глава 29. Стрижка овец

На этом дело не кончилось: у «Павильона Одной Звезды» в запасе оставалось ещё немало грязных приёмов. Клевета, злобные слухи, подброшенный к дверям Нефрит, привлекающий насекомых... Дело дошло до того, что порог обители облили нечистотами. В своей подлости конкуренты не гнушались ничем.

С поставками сырья от босса Хуана тоже начались нелады. Присылали либо откровенный брак, либо смесь хорошего с гнильём — причём годного едва ли набиралась треть. Сверху выложат тонкий слой приличных трав, а под ними — труха, кишашая личинками.

Издевательства коснулись и самого Цан Доушаня. Его прозвищу — Цветочный господин — обыватели придали гнусный, двусмысленный оттенок. Вэйшэн от этих грязных сплетен всякий раз дрожал от ярости. Как-то раз он схватил метлу и погнал по улицам ватагу глупых мальчишек.

Цан Доушань лишь беззлобно подшучивал над ним:

— Сколько тебе лет, что ты с ребятнёй связываешься? Неужто сам из этого возраста не вышел?

— Может, закроемся? — спросил наконец Вэйшэн.

Покупатели почти разбежались, да и у него самого терпение было на исходе.

Цан Доушань перестал улыбаться. О грязных слухах он тоже знал, и даже той малости, что долетала до его ушей, хватало для глубокого омерзения. Он кивнул:

— Хорошо. Распусти и помощников.

Коли закрываться, так насовсем. Помощников рассчитали, вывеску сняли — «Обитель Бессмертного Чайника» прекратила торговлю.

Ху Лэ сейчас находился далеко, в провинции Сяньби. Цан Доушань отправил ему письмо, где вскользь, без лишнего надрыва описал случившееся, а в конце посоветовал устраиваться на новом месте, прилежно практиковаться и лишний раз не высовываться.

Бессмысленное противостояние завершилось добровольным отступлением «Обители». «Павильон Одной Звезды» праздновал триумф: туда ежедневно тянулась вереница покупателей.

— Пора и лавку возвращать, — негромко произнёс Цан Доушань. На дворе стояла унылая осень. Он подышал на озябшие ладони. — Интересно, когда заявится босс Хуан?

— Не поминай ты этого ублюдка, меня от одного его имени воротит, — буркнул Вэйшэн, ожесточённо сметая в кучу палую листву.

Цан Доушань как в воду глядел. Уже после полудня босс Хуан пожаловал лично, разодетый в пух и прах. Сопровождал его Ду Лянгун, которого они не видели довольно давно. Тот, похоже, сумел подняться на новую ступень совершенствования, отчего его лицо так и светилось спесью.

Цан Доушань принял гостя со всей вежливостью. Рассевшись, Хуан завёл фальшивые речи о том, как ему жаль, и принялся настойчиво уговаривать мастера начать всё сначала. Босс клялся в полной поддержке и уверял, что уже выгнал взашей того негодяя-помощника, который портил сырьё.

Цан Доушань слушал эту чепуху с нарастающим раздражением, а Вэйшэн и вовсе не стал церемониться:

— Босс Хуан, кончайте уже паясничать. Кто хозяин «Павильона Одной Звезды» и чьих рук все эти пакости? Будто сами не знаете!

Лицо у Хуана было на редкость бесстыжим. Он соорудил невинную мину:

— Ты о чём это? Владелец «Павильона» — мой заклятый враг! Да я с этим мерзавцем на одном поле срать не сяду! У нас вражда не на жизнь, а на смерть!

Вэйшэн лишь презрительно фыркнул. Цан Доушань тоже пришёл к выводу, что аура этого господина изрядно отравляет воздух.

— Босс Хуан, через три дня мы освободим лавку, задержек не будет. Договор расторгнут. Как только мы сведём счета, вернём вам всё до последнего гроша.

Хуан наконец сбросил маску благожелательности, и на его лице проступила сальная, хищная ухмылка:

— Деньги? У меня их жопой жуй, плевать мне на них. Но если уж так хочешь расплатиться... отдай мне себя. Этого будет вполне достаточно.

Вэйшэн отреагировал первым. Схватив стул, он швырнул его в харю гостю:

— Твою мать!

Ду Лянгун резко вскинул голову. Вырвавшаяся из него духовная энергия разнесла стул в щепки.

— И это всё, на что способны твои детские... — презрительно процедил он, но договорить не успел.

Кулак Вэйшэна с хрустом врезался ему прямо в челюсть. Голова Ду Лянгуна мотнулась в сторону, а щека мгновенно раздулась и посинела.

Цан Доушань решил не отставать и тоже запустил в Хуана Дэшэна первым, что попало под руку. Тот попытался уклониться, но «Чайник, Вмещающий Небеса» снайперски припечатал его по лбу. Горлышко артефакта наклонилось, и растерянного босса мгновенно засосало внутрь.

Цан Доушань принялся лениво вертеть чайник в руках, перекатывая его с ладони на ладонь. Тем временем Вэйшэн оседлал Ду Лянгуна и принялся самозабвенно его охаживать. Несчастный практик несколько раз пытался вырваться, но соперник мёртвой хваткой вжимал его в пол. Ду Лянгуна оставалось лишь безропотно принимать удары. Лишь когда Вэйшэн душу отвёл и изрядно взмок, поверженный противник обрёл свободу. К этому моменту он уже не мог даже ползать.

За это время Цан Доушань перевернул чайник никак не меньше сотни раз. Наконец он снял крышку и вытряхнул пленника наружу. Босс Хуан, с ног до головы облепленный зерновой шелухой, уже давно пребывал в глубоком обмороке.

Вэйшэн перевёл дух, выволок обоих за шкуру на улицу, вышвырнул в грязь и смачно плюнул им вслед.

Вернувшись в кабинет, Вэйшэн спросил сиплым от усталости голосом:

— Когда выдвигаемся?

У Цан Доушаня имелось пространственное кольцо, так что сборы не требовали усилий — достаточно было смахнуть всё добро туда.

— А нам есть куда податься?

— Забыл про мой домишко с погребом? — лицо Вэйшэна расплылось в довольной улыбке. — На днях хозяину припёрло с деньгами, и он продал его мне за бесценок. Я там уже прибрался, жить можно.

Цан Доушань кивнул:

— Ладно.

Наскоро прибравшись, он в последний раз обошёл «Обитель Бессмертного Чайника», проверяя,

не забыли ли чего, и запер дверь.

Ему было тоскливо уходить.

«Всего два года с небольшим... а ведь это было самое безмятежное время»

Летом они пили ледяной сливовый отвар, зимой лакомились крабами в апельсинах. Он просто спокойно делал свои белила и румяна, не забывая голову закупками и подсчётом прибыли.

Вэйшэн словно угадал его мысли.

— Да брось ты киснуть, — ободряюще улыбнулся он. — Вот накоплю денег, уедем в столицу и откроем там новую «Обитель». Обещаю, она будет ещё краше и уютнее. Идёт, молодой господин?

Цан Доушань невольно рассмеялся:

— Идёт.

Вдруг по его спине пробежал озноб, словно чьё-то ледяное прикосновение обожгло лопатки. Он поспешно залез в пространственное кольцо и вытащил белый бумажный фонарь — тот ровно светился в полумраке.

— Ого, — Вэйшэн заглянул через плечо и прочитал вслух:

— «Выяснить, куда направились богатые семьи округа Вэньцзинь. Награда — две тысячи духовных камней». Мать пресвятая! Две тысячи камней — это сколько же в обычном серебре?

— Двадцать тысяч ланов, — тихо ответил Цан Доушань. Лицо его сделалось белым как полотно.

Небо заволочло тяжёлыми свинцовыми тучами. В вышине глухо рокотал гром, похожий на зловещую барабанную дробь.

Война и впрямь стояла на пороге.

Цены на хлеб стремительно поползли вверх. На улицах царил безумие: испуганные горожане метались с кошельками наперевес, выметая с прилавков любые съестные припасы. Цан Доушаню и Вэйшэну, успевшим забить кладовые до отказа, голод не грозил. Они сосредоточились на обустройстве подземного убежища, лишь изредка выбираясь в город за новостями.

Мятеж вспыхнул на северо-западе. Поговаривали, что за бунтовщиками стоит пробудившийся от векового сна древний демон — существо невероятно могущественное и дьявольски хитрое. Императорский двор несколько раз посылал сильнейших мастеров, чтобы устранить тварь, но все они нашли свою смерть. Провалы властей лишь распалили пыл восставших. Мятежники лавиной катились на восток, разорив уже тридцать два города. Повсюду, где они проходили, оставались лишь пепелища, стоны выживших да безлюдная пустыня.

Сейчас враг осаждал Яньчун. Следующей целью мятежников должен был стать Мэнцзи, отделённый от Вэньцзиня лишь сотней ли. Если Мэнцзи падет, передовые отряды бунтовщиков доберутся до их округа за один переход.

Влиятельные господа прознали об опасности первыми. Схватив золото да ценности, они вместе с семьями сбежали под защиту мощных стен префектуры Ниншань.

Простые же люди, спохватившиеся слишком поздно, оказались в ловушке.

Бунтовщики выслали небольшой отряд, перекрывший единственный путь на префектуру Ниншань. Они лишь ждали, пока основные силы возьмут Яньчун, чтобы завершить окружение Вэньцзиня. Заслон был невелик, но когда местная управа отправила солдат на разведку боем, те были наголову разбиты. Живым вернулся лишь один раненый. Он и принёс жуткую весть: дорогу перекрыли воины-адепты мятежников, элита из элит. Сил вэньцинъюнского гарнизона явно не хватало, чтобы тягаться с ними.

Сильные мастера в округе, конечно, имелись, но они могли покинуть город в любой момент. Станут ли они проливать кровь ради безродной черни? Разумеется, нет.

На улицах только и слышны были проклятия в адрес заносчивых адептов. Обыватели не стеснялись в выражениях.

Миновала тысяча лет, но пропасть между заклинателями и простыми смертными ничуть не уменьшилась.

Какая злая ирония.

Весь округ охватил смертный ужас. Провизию в лавках подчистую раскупили, и даже стражники уже не могли сдерживать бунты изголодавшейся толпы.

Рынки, прежде шумные и оживлённые, закрылись один за другим. Тогда Вэйшэн выстругал деревянную вывеску, тщательно её зачистил и вывел киноварью размашистые иероглифы: «ПРОДАЖА ЗЕРНА». Ниже он указал цены — на восемьдесят процентов дешевле, чем у наживавшихся на беде торговцев. Клейкие рисовые лепёшки стоили чуть дороже, сушёный батат шёл за бесценок, но продавали его только от двадцати цзиней в одни руки.

Вэйшэн в последнее время прилежно упражнялся в каллиграфии, и его труды принесли плоды. Он с гордостью продемонстрировал табличку Цан Доушаню:

— Ну как? Скажи, здорово вышло?

— Красиво, — рассеянно отозвался Цан Доушань, думая о чём-то своём.

На следующее утро толпа голодных едва не снесла забор. Вэйшэн и Цан Доушань выбивались из сил, пытаясь урезонить обезумевших людей. Пытаясь прорваться к мешкам, покупатели лезли напролом, затаптывая тех, кто послабее. Насмерть перепуганные женщины и дети истошно кричали, их едва не раздавили в этой свалке.

Зато и выгода оказалась баснословной. За день они распродали почти тысячу цзиней зерна, выручив столько, сколько «Обитель Бессмертного Чайника» приносила за целый год.

Вечером они разбирали гору серебра, медных монет и бумажных ассигнаций. Тут же лежали ворохи драгоценностей: нефритовые браслеты, золотые заколки — люди безжалостно отдавали семейные реликвии за горсть еды.

— Может, завтра перенесём торговлю в другое место? — предложил Цан Доушань. — Туда, где попросторнее.

— Ни в коем случае! — отрезал Вэйшэн. — Завтра народу привалит ещё больше. Если мы выйдем на простор, вдвоём ни за что не удержим толпу. Сегодня обошлось без покойников только потому, что дворик тесный и протискивались понемногу. Сделай мы по-твоему — под ногами окажется гора трупов!

Цан Доушань промолчал — возразить было нечего. Вэйшэн, прервав подсчёты, поднялся:

— Пойду забор подлатаю и укреплю, пока совсем не разнесли. А ты заканчивай тут.

Бросив фразу, он торопливо скрылся за дверью.

Оставшись один, Цан Доушань быстро пересчитал монеты и принялся за оставленные в залог украшения.

Горожане Вэньцзиня бедностью не отличались, так что изящных женских безделушек скопилось великое множество. Нефритовые кольца, серебряные шпильки, золотые заколки с подвесками и нити речного жемчуга тускло поблёскивали в колеблющемся свете свечи.

Перед лицом голодной смерти вся эта роскошь не стоила и фунта риса.

А завтра людей придёт ещё больше.

Вэйшэн трудился до рассвета, но укреплённая ограда рухнула под напором людского моря в первые же минуты. Во дворе воцарился хаос. Очередь смяли, толпа лезла напролом. Женский визг и детский плач сливались в сплошной оглушительный гул.

Стоило Цан Доушаню выставить очередной мешок с сушёным бататом, как из давки вынырнул дюжий детина. Он без лишних слов вырвал мешок, взвалил на плечо и бросился наутёк.

В глазах Цан Доушаня вспыхнуло яростное пламя. Он взмахнул ладонью — и невидимый клинок ци начисто отсек вору руку. Кровь брызнула фонтаном, щедро окатив стоявших рядом. Мужчина зашёлся в таком диком вопле, словно его живьём резали на части.

— Пасть закрой! — ледяным тоном рявкнул заклинатель.

Раненый мгновенно затих, боясь издать хоть звук. Обезумевшая толпа замерла, во дворе воцарилась мёртвая тишина.

Цан Доушань обвёл притихших людей ледяным взглядом. Вэйшэн, не отрываясь от подсчёта монет, тут же рявкнул, нагоняя страху:

— Жратвы навалом, так что живо встали в очередь! Каждому достанется! Но если кто вздумает баловать — останется калекой, как этот урод! Все уяснили?!

Толпа мгновенно присмирела. Люди торопливо перестроились в ровную колонну и затаили дыхание.

Однако на третий день страх притупился, и давка возобновилась. На четвёртый пришла весть, что мятежники взяли Яньчун — паника разгорелась с новой силой. Лишь к пятому дню прочие торговцы почуяли неладное и начали спешно снижать цены на хлеб, что отвлекло часть покупателей. К исходу шестого дня излишки зерна иссякли, и Вэйшэн увёл Цан Доушаня обратно в переулок Цветочной Чашечки.

В переулке Цветочной Чашечки распустилась ранняя дикая слива. Все двери были наглухо заперты. Вокруг царили тишина и покой, словно мирные времена и не думали кончаться.

Здание «Обитатели Бессмертного Чайника» стояло целым и невредимым, но внутри было пусто.

— Сейчас покажу тебе, что значит пословица про хитрую лису и её три норы! — заговорщицки подмигнул Вэйшэн.

Они зашли в каморку, где парень прежде вёл книги. Тот присел на корточки у стола, нащупал

скрытый рычаг и нажал его. Часть половиц бесшумно разъехалась, открывая квадратный зев лаза, уходящего вертикально вниз. Из темноты поднимались ступени деревянной лестницы.

Вэйшэн полез первым, Цан Доушань последовал за ним. Шахта уходила в глубину метров на пять. Внизу они повернули направо и очутились в просторной тайной комнате, обустроенной точь-в-точь как те укрепленные подземелья заклинателей, которые Цан Доушань видел прежде.

— Я побоялся, что те господа окажутся ненадежными и при первой опасности продадут нас с потрохами. Поэтому втайне выкупил соседний участок и вырыл точно такое же убежище. Ну как, у меня котелок варит?

Цан Доушань искренне улыбнулся. На душе стало на редкость спокойно.

«Как же хорошо...»

<http://bllate.org/book/18329/1864870>